Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/PXJXBR
УДК 821.161.1.0+821.22.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53+(5Ирн)4

ЯВНЫЙ И МНИМЫЙ «СЛЕД» СААДИ В ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2024 г. А.В. Бакунцев
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 08 января 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 03 марта 2024 г.
Дата публикации: 25 декабря 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-244-271

Благодарности: Автор сердечно благодарит за оказанную помощь сотрудников Российской государственной библиотеки, Российской библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, а также С.Н. Морозова (ИМЛИ РАН), А.В. Протопопову (ИМЛИ РАН), М.Л. Рейснер (МГУ), М.Р. Следевскую (МГУ).

Аннотация: Статья посвящена выявлению и анализу изданий, в которых И.А. Бунин черпал литературный материал для стихотворений «Череп» (1907), «Персидская мудрость» (1913), «Завет Саади» (1913), считающихся до сих пор переводами отрывков из книг Саади «Бустан» (1257) и «Гюлистан» (1258). Указанная проблема рассматривается с применением принципа историзма и метода сравнительного анализа. В ходе исследования установлено, что: 1) при написании перечисленных стихотворений Бунин работал не только с классическими, появившимися к концу XIX — началу XX в. переводами книг Саади на русский и основные европейские языки, но и с соответствующей научной и научно-популярной литературой; 2) перечисленные стихотворения Бунина являются не переводами, а парафразами отдельных отрывков из «Бустана» и «Гюлистана»; 3) в этих стихотворениях притчи, сентенции, максимы Саади подверглись довольно значительной творческой переработке; 4) стихотворения «Трон Соломона» (1907) и «Закон» (1907), причисляемые отдельными исследователями к бунинским произведениям, в которых тоже можно «выделить “след” Саади» (выражение Р.М. Сафиулиной), в действительности основаны только на текстах Корана.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Саади, притчи, максимы, сентенции, поэзия, интерпретация, «круг чтения», переводы, источниковедение.

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7087-3235

E-mail: auctor@list.ru

Для цитирования: *Бакунцев А.В.* Явный и мнимый «след» Саади в поэзии И.А. Бунина (источниковедческий аспект) // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 4. С. 244–271. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-244-271

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 4, 2024

THE OBVIOUS AND ILLUSORY "TRACE" OF SAADI IN IVAN BUNIN'S POETRY (SOURCE STUDIES ASPECT)

© 2024. Anton V. Bakuntsev
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: January 08, 2024
Approved after reviewing: March 03, 2024
Date of publication: December 25, 2024

Acknowledgements: The author sincerely gratitudes for the assistance provided by the staff of the Russian State Library, the All-Russia State Library for Foreign Literature named after M.I. Rudomino, as well as S.N. Morozov (IWL RAS), A.V. Protopopova (IWL RAS), M.L. Reisner (Moscow State University), and M.R. Sledevskaya (Lomonosov Moscow State University).

Abstract: The article is devoted to the identification and analysis of publications in which Ivan Bunin drew literary material for the poems "The Skull" (1907), "The Persian Wisdom" (1913), "The Testament of Saadi" (1913), which are still considered translations of excerpts from Saadi's books "Bustan" (1257) and "Gulistan" (1258). The research uses the principle of historicism and the method of comparative analysis. The article demonstrates that: 1) when writing his poems, Bunin worked not only with classical ones that appeared by the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries translations of Saadi's books into Russian and the main European languages but also with relevant scientific and popular science literature; 2) the listed Bunin's poems are not translations, but paraphrases of individual passages from "Bustan" and "Gulistan"; 3) in these poems, Saadi's parables and maxims have undergone quite significant creative processing; 4) the poems "The Throne of Solomon" (1907) and "The Law" (1907), attributed by some researchers to Bunin's works, in which it is also possible to "highlight the 'trace' of Saadi" (the expression by R.M. Safiulina), are based only on the texts of the Koran.

Keywords: Ivan Bunin, Saadi, parables, maxims, poetry, interpretation, "reading circle," translations, source studies.

Information about the author: Anton V. Bakuntsev, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7087-3235

E-mail: auctor@list.ru

For citation: Bakuntsev, A.V. "The Obvious and Illusory 'Trace' of Saadi in Ivan Bunin's Poetry (Source Studies Aspect)." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 4, 2024, pp. 244–271. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-244-271

О значении личности и творчества средневекового персидского поэта Саади в писательском самосознании И.А. Бунина довольно подробно сказано в нашей предыдущей статье (см.: [1]). Поэтому к рассмотрению проблемы, обозначенной в заглавии уже данной статьи, мы приступим сразу, без долгих предисловий, и начнем с перечня бунинских поэтических текстов, в которых можно, по выражению Р.М. Сафиулиной, «выделить “след” Саади» [8, с. 165]. В этом перечне всего три стихотворения: «Череп» (1907), «Персидская мудрость» (1913), «Завет Саади» (1913). Правда, в исследовательской литературе к произведениям Бунина, в которых содержатся заимствованные у Саади образы и мотивы, причисляются также стихотворения «Трон Соломона» (1907) и «Закон» (1907) (см.: [8, с. 165–169; 18, с. 366]), однако мы придерживаемся на этот счет иного мнения и в соответствующем разделе постараемся его обосновать.

Представление о степени художественной оригинальности стихотворений Бунина, несущих на себе «“след” Саади», до сих пор остается ошибочным. Например, «Череп» и «Персидская мудрость» были республикованы в 84-м томе «Литературного наследства» как «переводы из Саади» (см.: [5, с. 209–211]). В то же время в комментарии к републикации отмечается, что избранная Буниным стихотворная форма «в известной степени произвольна, а само содержание его переводов не всегда точно отвечает содержанию оригинала; в одних случаях притчи, составляющие содержание поэм Саади, значительно сокращены, в других — сюжет их несколько изменен и расширен, в третьих — Бунин ограничивается переводом завершающего притчу Саади афоризма, опуская содержание самой притчи» [5, с. 222–223]. В своей статье мы покажем, что все эти «воль-

ности» отнюдь не случайны и свидетельствуют не столько о бунинском «произволе», сколько об относительной художественной самостоятельности рассматриваемых произведений.

«Над Тигром жил отшельник...»

По всей видимости, «Череп» был первым опытом бунинского обращения к творчеству Саади. Согласно авторской дате, это стихотворение было написано весной 1907 г. в Дамаске, т. е. во время бунинского путешествия в Святую землю. Однако впервые «Череп» был опубликован лишь 1 октября 1912 г. в московском еженедельном иллюстрированном журнале «Женское дело» [15]. Почему Бунин так долго не отдавал стихотворение в печать и потом больше никогда к нему не возвращался, неизвестно[1].

Из-за своего подзаголовка («Из “Бустана” Саади») «Череп» в течение многих лет считался «вольным переводом» двух произвольно соединенных фрагментов этой поэмы (один взят из ее первой главы, другой — из шестой) — во всяком случае, именно так бунинское стихотворение представлено в комментарии к его републикации в 84-м томе «Литературного наследства» (см.: [5, с. 223]). При этом композиция «Черепа» в комментарии названа «неверной», а в текст самой републикации внесена правка, которая, по сути, извратила авторский замысел: стихотворение разделено на две части, частично изменена орфография и пунктуация[2]. Подобное (тем более посмертное!) вмешательство в авторский текст само по себе недопустимо, а в случае с «Черепом» оно было недопустимо вдвойне, поскольку основывалось на ложном понимании степени художественной оригинальности бунинского стихотворения.

Сегодня с большой долей уверенности можно утверждать, что «Череп» не является переводом, даже вольным. Строго говоря, Бунин и не мог переводить Саади: персидского языка он не знал[3] и о творче-

1 Вторично стихотворение было напечатано уже после смерти Бунина — в 1969 г., в № 3 журнала «Памир» (см.: [5, с. 223]).

2 Например, после слова «червями» стоит закрывающая кавычка, которой нет в прижизненной публикации; слово «Промысла» набрано со строчной буквы; слова «И так» напечатаны слитно, в одно слово «Итак», после которого стоит запятая; перед словом «сам» стоит открывающая кавычка; после слова «недоволен» вместо точки стоит запятая (см.: [5, с. 209]).

3 См. в этой связи запись в бунинском дневнике от 27 октября 1916 г.: «Прочел первую книгу “Сев<ерных> сборников” Шиповника. <...> Переводы с датского — Блока,

стве «усладительнейшего из писателей»[4] судил по уже существовавшим переводам на русский и европейские языки (прежде всего французский, в меньшей степени английский и немецкий)[5], причем его представление и об этом творчестве в целом, и о наиболее значительных произведениях Саади было (во всяком случае, в 1907 г.) самым общим и не вполне точным.

Для большей убедительности сопоставим литературную форму «Черепа» и «Бустана» (1257). «Череп» насчитывает 15 строк и написан белым стихом — пятистопным белым ямбом, в то время как «Бустан» состоит из бейтов — рифмованных (большей частью) двустиший. Выдающийся советский иранист К.И. Чайкин во вступительной статье к собственному переводу «Бустана» (1935) отмечал, что поэма Саади «написана метром *мотэкареб*, окончательно определившимся ко времени появления “Бустана” как постоянный метр героической и повествовательно-авантюрной поэмы» [31, с. XVIII]. Согласно приведенной исследователем схеме: ◡--|◡--|◡--|◡- [31, с. XXII], — метр *мотэкареб* (иначе — *мутакариб* [7, с. 42]) включает 11 слогов и не имеет аналогов в классической европейской силлабо-тонической системе стихосложения. Очевидно, именно поэтому разные переводчики XIX–XX вв. передавали метрику поэмы посредством разных стихотворных размеров — в том числе пятистопным [26; 38] и шестистопным ямбом [40], четырехстопным анапестом [32] — с произвольным чередованием мужских и женских рифм в бейтах, а также четырехстопным усеченным амфибрахием с мужской рифмой [31][6].

К 1907 г. Бунин был уже весьма опытным переводчиком. Если бы «Череп» действительно был переводом отрывка из «Бустана» — пусть и на основе какого-либо из переводов-посредников, — то Бунин перед началом работы непременно изучил бы художественные особенности по-

со шведского — Городецкого, Бонча, Сологуба. Какие скоты пошли писатели! Откуда эти знания языков?» [6, с. 69].

4 Так Саади называет его биограф — историк персидской литературы Девлет-шах Ала-эд-девле Бехтишах Эль-гази эс-Самарканди в своем трактате «Тезкират-ошшоара» (Жизнеописание поэтов, 1487) (см.: [29, с. 12]), а вслед за ним и Бунин — в «Тени Птицы» [14, с. 233].

5 Их перечень см. в книге А.Е. Крымского «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии» [24, с. 433–439, 445–458].

6 Этот метр К.И. Чайкин характеризует как «соответствующий по числу слогов и отчасти по основной каденции стиху персидского оригинала» [31, с. XXII].

эмы Саади и так или иначе отразил бы их в своем стихотворении. Однако нам представляется, что мысль о написании «Черепа» у Бунина возникла внезапно, в процессе чтения монографии И.Н. Холмогорова «Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы» (Казань, 1867) [29][7]: как указывалось в нашей предыдущей статье, Бунин брал эту книгу с собой в 1907 г. в поездку на Ближний Восток (см.: [1, с. 173–175]).

Напомним: монография И.Н. Холмогорова, основанная на его же магистерской диссертации (1865), наряду с исследовательской частью содержит множество отрывков (на персидском и арабском языках и в прозаическом переводе автора) из разных произведений Саади (включая «Бустан» и «Гюлистан»), а также биографию Саади, извлеченную из трактата Девлет-шаха «Тезкират-ошшоара». В этой биографии, тоже добросовестно переведенной И.Н. Холмогоровым и тоже включающей ряд цитат из литературного наследия Саади, среди прочего приводится так называемый «Рассказ, заимствованный из Бустана» [29, с. 25–26][8]. Судя по его структуре, лексике и стилистике, именно он вдохновил Бунина на создание «Черепа».

В плане структуры «Рассказ, заимствованный из Бустана» представляет собой контаминацию тех же двух фрагментов, из которых состоит бунинское стихотворение, — именно Девлет-шах объединил их по каким-то своим причинам, что и ввело в заблуждение Бунина, который воспринял «Рассказ» как единый аутентичный текст и почти буквально воспроизвел его «неверную» композицию в «Черепе».

С точки зрения языка и стиля «Череп» и «Рассказ, заимствованный из Бустана» тоже очень близки, а местами даже совпадают дословно.

Для наглядности приведем полностью оба текста:

7 Возможно, и стихотворный размер для «Черепа» Бунин выбрал интуитивно — если только не последовал примеру К.-Г. Графа (вопрос лишь в том, был ли Бунину известен этот немецкий перевод).

8 Здесь впору говорить о своеобразном «эффекте матрешки»: «Рассказ, заимствованный из Бустана» составлен из двух фрагментов поэмы Саади, приводится в трактате Девлет-шаха, а тот в свою очередь включен в монографию И.Н. Холмогорова, причем в переводе на русский язык.

«Череп»

Над Тигром жил отшельник.
Древний череп
Нашел он на прибрежье. И услышал
От черепа: «На мне была тиара,
Я покорил Ирак, алкал Кермана[9], —
И вот, увы, сам выеден червями.
Раз в серебро преобразился камень
В руках анахорета. Но когда
Ты предан воле Промысла всецело,
И серебро, и камень — одноценны.
И так ступай и возвести дервишам,
Угодникам султана: сам султан
Беднее их: дервиш доволен драхмой,
А он, султан, и царством недоволен.
Поистине, не падишах, а нищий,
Свободный от забот,
есть падишах» [15].

«Рассказ, заимствованный из Бустана»

Слышал я, что однажды сгнивший человеческий череп вел такую речь с набожным отшельником на берегу Тигра. Я пользовался (говорил череп) всей пышностью повелителя, я возлагал на себя царскую тиару и при помощи судьбы и счастия завоевал своими усилиями Ирак. Я уже надеялся пожрать Керман, как вдруг мою голову пожрали черви. Я слыхал (слова Саади), что в старину камень в руках отшельника обратился в серебро (не считайте этих слов лишенными смысла), — но когда ты совершенно предался воле промысла, то и серебро, и камень должны тебе казаться одноценными. Возвести же дервишу, угоднику какого-нибудь султана, что самый султан гораздо беднее дервиша: одна драхма серебра насыщает нищего, а Феридун (имя древнего персидского государя) сыт только вполовину целым персидским государством. И царство, и владычество дают лишь заботу, нищий же есть падишах, хотя и слывет нищим по имени; нищий, ум которого свободен от мирских оков, счастливее ничем не довольного государя [29, с. 25–26].

При сопоставлении текстов видно, что единственное серьезное расхождение между ними заключается в количестве действующих лиц и субъектов речи. В «Рассказе, заимствованном из Бустана» три персонажа: отшельник, череп и Саади; высказывания, обозначенные посредством ремарок, заключенных в скобки, принадлежат и черепу, и Саади. В бунинском стихотворении только два персонажа — отшельник и череп, а закавыченная прямая речь, целиком переданная черепу, включает и «законную» реплику черепа, и слова Саади, которого Бунин почему-то удалил из текста (возможно, не заметив соответствующую ремарку в тексте «Рассказа»).

9 Керман — город в юго-восточной части Персии. В XI в. был захвачен сельджуками.

Вывод из всего сказанного такой: стихотворение Бунина «Череп» — это парафраз «Рассказа, заимствованного из Бустана» в переводе И.Н. Холмогорова; соответственно печатать «Череп» в будущем Полном собрании сочинений и писем и в отдельных изданиях поэзии Бунина следует в авторской редакции, притом среди оригинальных текстов, а не переводов.

«Я счастлив, я жив...»

Впервые «Персидская мудрость» была напечатана 29 сентября 1913 г. в московской ежедневной общественно-политической и литературной газете «Русское слово» (авторская дата: «Трапезонд — Стамбул. Июнь 1913 г.») [11]. С точки зрения композиции это произведение состоит из 10 разных по величине (от двух до восьми строк), относительно самостоятельных по отношению друг к другу (и даже как будто произвольно подобранных и скомпонованных) частей (миниатюр), разделенных в публикации посредством типографских линеек. Так же как «Череп», «Персидская мудрость» написана белым стихом, но, в отличие от него, не пятистопным ямбом, а пятистопным (с первой по восьмую и десятая части) и шестистопным (девятая часть) амфибрахием. Те же девять частей — с первой по восьмую и десятая — имеют «эквиваленты» в текстах «Бустана» и «Гюлистана» (1258)[10], но, несмотря на это, мы и тут имеем дело не с переводами тех или иных отрывков из произведений Саади, а с парафразами их прозаических переводов, выполненных другими авторами. О предполагаемых обстоятельствах создания девятой части «Персидской мудрости» будет сказано ниже.

***

Первую часть «Персидской мудрости»:

> Лисицу спросили: «Куда ты так быстро бежишь?»
> — «Погоня за пьяным верблюдом!» — сказала лисица.

10 В исследовательской литературе встречаются и другие варианты русской транскрипции: «Гулистан» (по всей видимости, сегодня он считается нормативным), «Голистан», «Голестан». Мы будем транскрибировать заглавие книги Саади так, как это делал Бунин.

«Но ты-то при чем тут?» — «Э, полно, поэт! А враги?
Попробуй кричать, называя лисицу верблюдом,
И все закричат, что лисица — верблюд, и убьют!» [11], —

являющую собой парафраз прозаической притчи о лисе из первой главы «Гюлистана», мы подробно рассмотрели в предыдущей статье (см.: [1, с. 183–185]) и пришли к выводу, что материал для этой миниатюры Бунин мог почерпнуть либо в русском переводе книги Саади, принадлежащем И.Н. Холмогорову (1882) [22, с. 52], либо в монографии французского ориенталиста Ж. Фрийе «Литературная Персия» (1909) [33, p. 172]. Эти две книги были выделены нами по следующей причине: одна из них («Гюлистан» в переводе И.Н. Холмогорова) к 1913 г. определенно входила в «круг чтения» Бунина (см.: [1, с. 176–177]); о другой («Литературная Персия» Ж. Фрийе) то же самое с уверенностью сказать нельзя, однако в ней имеются эквиваленты сразу к шести частям «Персидской мудрости», причем лексическое, содержательное и композиционное сходство французских и русских текстов столь значительно (разумеется, с поправкой на разницу в языках и литературной форме, а также на бунинское стремление к предельной сжатости), что мысль о существовании связи между ними возникает сама собой.

Скорее всего, литературный материал для **второй части** «Персидской мудрости» Бунин тоже заимствовал в одной из этих книг. В бунинской интерпретации притча о невежде и осле / ишаке из восьмой главы «Гюлистана» предсказуемо оказалась более лаконичной, чем в версиях И.Н. Холмогорова и Ж. Фрийе:

Болтун и невежда ишака учил говорить.
— Болтун и невежда! Учись у ишака молчанью! [11]

Для сравнения — у И.Н. Холмогорова: «Глупец учил осла и потратил на то много жизни. — “Невежда, сказал ему мудрец, что ты хлопочешь в этом деле — побойся людских укоров. Животное не выучится у тебя дару слова, лучше ты сам поучись у животного молчанию”» [22, с. 309–310]; у Ж. Фрийе: “Un ignorant voulait à toutes forces apprendre à parler à son âne.

Comme il était la risée publique, un sage lui dit: ‘Tu ferais mieux d’apprendre de lui à te taire’” [33, p. 173][11].

В основу **третьей части** «Персидской мудрости» легла притча о звездочете/астрономе/астрологе из четвертой главы «Гюлистана»[12]. Наиболее вероятным источником ее заимствования мы считаем книгу Ж. Фрийе. К такому выводу мы пришли, сравнив текст бунинской миниатюры с несколькими вариантами перевода этой притчи — на русский, французский, немецкий и английский языки (см.: [21, с. 182; 22, с. 195; 25, с. 102; 33, p. 171; 34, p. 262; 35, p. 262; 36, p. 213; 39, S. 132; 41, p. 205; 43, p. 193; 44, p. 155]).

У Бунина притча выглядит следующим образом:

Один астролог, возвратившись домой, захватил
Измену жены и к судье побежал, задыхаясь.
«Вот видишь, — сказал астрологу судья, — ты не знал,
Что делалось дома, а хвалишься знанием неба!» [11]

Однако в классических переводах «Гюлистана» речь не идет ни об измене жены звездочета/астронома/астролога, ни о судье: главный герой лишь застает незнакомца в своем доме, в обществе своей жены, и устраивает скандал, а финальную фразу, ставящую под сомнение его компетентность, произносит некий мудрец (остроумец), оказавшийся случайным свидетелем этой сцены[13]. И только в книге Ж. Фрийе вместо этого мудреца фигурируют судьи (почему-то именно во множественном числе):

11 *Перевод*: Невежда во что бы то ни стало хотел научить своего осла разговаривать. Поскольку над ним все смеялись, мудрец сказал ему: «Лучше сам поучись у него молчанию» (*франц.*).

12 В переводах С.И. Назарьянца и К. Ламброса притча значится в четвертой главе «Гюлистана» как повесть / рассказ под № 11 [25, с. 102; 21, с. 182], а в переводе И.Н. Холмогорова — как рассказ 10 [22, с. 195]. Звездочетом персонаж назван в переводе И.Н. Холмогорова, астрономом — в переводах С.И. Назарьянца и К. Ламброса, астрологом — в переводах Н. Семеле [35, p. 262], К.-Г. Графа [39, S. 132], Э. Иствика [44, p. 155], Ш. Дефремери [36, p. 213], Ф. Глэдвина [34, p. 262], Дж. Платтса [43, p. 193], Дж. Росса [41, p. 205], Ж. Фрийе [33, p. 171].

13 См., например: «Звездочет, войдя в свой дом, увидал там незнакомца, сидящего с своей женой. Он обругал его и начал говорить дерзости; поднялся гвалт и суматоха, среди которых какой-то остряк сказал следующее: <Стихи> // Можешь ли ты знать, что творится на небесной тверди, когда не ведаешь, кто сидит у тебя в дому?» [22, с. 195].

Un jour un astrologue, rentrant dans sa maison, surprit[14] un étranger avec sa femme. Il devint furieux et traîna les coupables devant les juges, qui lui dirent: "Comment pouvez-vous connaître ce qui se passe dans les astres, puisque vous ne voyez rien de ce qui se passe dans votre maison?" [33, p. 171][15].

Четвертая и пятая части «Персидской мудрости» основаны на притчах соответственно из девятой и восьмой глав «Бустана». При написании этих миниатюр Бунин мог воспользоваться любым из иностранных переводов поэмы Саади (в монографии И.Н. Холмогорова указанные притчи отсутствуют), однако мы уверены, что на самом деле писатель и тут прибегал к тексту книги Ж. Фрийе. На это указывает ряд довольно существенных признаков, особенно разительных в случае с **четвертой частью** «Персидской мудрости», представляющей собой бунинскую интерпретацию притчи о бренности земного существования и связанных с ним удовольствий.

В аутентичном тексте «Бустана» и в текстах его классических переводов, выполненных К.-Г. Графом (1850), Г. Уилберфорсом Кларком (1879), А.-Ш. Барбье де Мейнаром (1880), Ф. Рюкертом (1882), Дж.-С. Дэви (1883) и др., основная мысль этой притчи проиллюстрирована на примере двух враждовавших друг с другом властителей. Когда один из них умер, другой, торжествуя, явился на его могилу, чтобы поглумиться над мертвецом. Однако, увидев его останки, пал духом и велел начертать на могильном камне: не радуйся смерти врага, ибо ты тоже смертен. Некий мудрец, проходивший мимо, обратился к Аллаху с мольбой о милосердии к этому раскаявшемуся в своей гордыне человеку. Притча заканчивается авторской сентенцией о том, что всё преходяще и что весь мир — одно сплошное кладбище (см., например: [37, p. 351–352]).

В «Литературной Персии» Ж. Фрийе притча представлена в существенно усеченном виде (опущены ее начало и финал):

14 Французский глагол "surprendre" в данном контексте можно перевести как «застать (захватить) врасплох, застигнуть» (см.: [28, с. 951]).

15 *Перевод*: Однажды, вернувшись домой, астролог застал у своей жены незнакомца. Он страшно разозлился и потащил виновников к судьям, а те ему сказали: «Как же ты можешь знать, что происходит на небе, если не предвидишь того, что творится в твоем доме?» (*франц.*).

Un homme alla voir un jour le tombeau de son ennemi et s'écria tout joyeux: "Heureux celui qui jouit des caresses d'une femme, après que son ennemi est mort. On peut mourir sans regret quand on a survécu, ne serait-ce que d'un instant, à un ennemi odieux!"

Emporté par son délire, il souleva la dalle qui fermait la tombe, et vit au fond de la fosse la tête qui jadis avait porté la couronne. La terre remplissait les orbites des yeux qui avaient brillé à la lumière du jour. Le cadavre était rongé par les vers et les insectes; les os étaient noyés dans la boue; le visage s'était émacié et le corps s'était aminci comme un fagot de boit sec; les mains tombaient en lambeaux.

À ce spectacle, le profanateur se prosterna sur la terre qu'il arrosa de ses larmes. Puis il fit graver sur la pierre:

"Ne te réjouis pas de la mort d'un ennemi, car tu ne lui survivras pas longtemps" [33, p. 170–171][16].

Бунинская миниатюра имеет схожую структуру (начинается с сообщения о приходе некоего человека на могилу врага и заканчивается надписью на надгробии), но при этом она существенно короче, чем версия Ж. Фрийе; кроме того, в ней существенно изменен смысл фразы, которую вначале произносит на могиле герой притчи, — в результате герой стал более циничным, а его отчаяние при виде истлевшего трупа врага — более глубоким:

Пришел человек на могилу врага и сказал:
«Я счастлив, я жив, *я владею твоею женою!*»[17]
Тут, сдвинув плиту, он в могилу взглянул и на дне
Увидел соперника: череп, набитый землею,
В котором когда-то, как солнце, сияли глаза,

16 *Перевод*: Однажды некий человек пришел взглянуть на могилу своего недруга и вне себя от радости воскликнул: «Блажен, кто наслаждается ласками женщины после кончины врага. И умереть можно с легким сердцем, даже если только на одно мгновение прожил дольше, чем мерзавец!» В исступлении он сдвинул надгробную плиту и на дне могилы увидел голову, которую когда-то венчала корона. Орбиты глаз, сиявших некогда при свете дня, были забиты землей. Труп был изъеден червями и насекомыми; кости покрыла грязь; иссохли и лицо, и тело, ставшее похожим на вязанку хвороста; руки истлели. Осквернитель, потрясенный этим зрелищем, пал ниц и оросил землю слезами. Затем вырезал на могильном камне: «Не радуйся смерти врага, ибо проживешь немногим дольше, чем он» (*франц.*).

17 Курсив наш. — *А.Б.*

И голые ребра, покрытые грязью и гнусом.
Заплакав в тоске, человек написал на плите:
«Не радуйся смерти врага, — не долга твоя радость!» [11]

Отметим также отсутствие в бунинском варианте притчи любых намеков на царское происхождение и главного героя, и его врага.

Как было сказано выше, в основе **пятой части** «Персидской мудрости» лежит притча из восьмой главы «Бустана» — о страннике и осле[18].

Бунин придал этой истории следующий вид:

Стенал человек, изнемогший в пути: «Я устал.
Несчастней меня никого не видала пустыня!»
От клади осев, по дороге осел проходил:
«Безумец! — сказал он, — зачем на судьбу ты клевещешь?
Конечно, приятно сидеть на осле, но хвали
Творца и за то, что тебя не ослом сотворил он» [11].

В «Литературной Персии» Ж. Фрийе притча изложена так:

Un homme accablé de fatigue gémissait: "Est-il un être plus malheureux que moi dans le desert?"

Un âne qui passait, portant avec peine un pesant fardeau, lui répondit: "Insensé qui accuse la destinée! tu n'as pas, il est vrai, un âne pour te porter, mais remercie Dieu qui ne t'a pas fait bête de somme" [33, p. 167][19].

Тексты Бунина и Ж. Фрийе очень близки по содержанию и лексике. Вместе с тем в них отсутствует одна деталь, которая наличествует, например, в прозаическом переводе А.-Ш. Барбье де Мейнара — наиболее точном среди переводов «Бустана» на европейские языки. У А.-Ш. Барбье де Мейнара осел-резонер, возражая страннику, между прочим, говорит:

18 В переводе А.В. Старостина вместо осла фигурирует «странник, повидавший полземли» [26, с. 377]. Чем объясняется эта замена персонажа, неизвестно.

19 *Перевод*: Измученный усталостью человек сетовал: «Есть ли в пустыне существо более несчастное, чем я?» Осел, проходивший мимо с тяжкой ношей, ответил ему: «Безрассуден тот, кто пеняет на судьбу! Под тобой и впрямь нет осла, тем не менее благодари Бога за то, что Он не создал тебя вьючным животным» (*франц.*).

“Tu n’as pas, il est vrai, un âne pour te porter, mais remercie Dieu qui a fait de toi un homme et non pas une bête de somme” [37, p. 327][20]. В версии Ж. Фрийе[21] в заключительной фразе притчи из-за отсутствия слова “homme” (человек) противопоставление человека вьючному животному перенесено из текста в подтекст. То же самое мы видим в бунинской миниатюре.

Шестая часть «Персидской мудрости» является стихотворным переложением 20-го рассказа из третьей главы «Гюлистана». У Саади повествование в этом рассказе ведется прозой и от первого лица — см. перевод И.Н. Холмогорова:

> Никогда я столько не стенал от перемен времени, никогда так не хмурил лицо от коловратного счастия, как в ту пору, когда ноги мои были босы, а не на что было приобрести обувь. С стесненным сердцем я вступил в соборную мечеть города Куфы[22], и здесь увидал какого-то безногого. Тогда-то я возблагодарил и прославил Бога за его милости ко мне и терпеливо перенес лишение обуви [22, с. 159].

Скорее всего, Бунин опирался именно на этот текст, однако при написании своего варианта притчи об относительности житейских невзгод, по своему обыкновению, внес в ее текст ряд технических и содержательных поправок. В результате притча приобрела не свойственную поэзии Саади форму трехстишия; объем притчи существенно сократился; автор-повествователь уступил место некоему обедневшему богачу — соответственно изменилась повествовательная точка зрения; персонаж стал более эмоциональным:

> Богач обеднел до того, что ходил босиком,
> И плакал от злобы, как вдруг повстречался с безногим.
> Ах, если б вы знали, как плакал от радости он! [11]

20 *Перевод*: Под тобой и впрямь нет осла, тем не менее благодари Бога за то, что он создал тебя человеком, а не вьючным животным (*франц.*). Между прочим, отметим в финальной фразе французского текста рифмовку (вероятно, случайную): homme — somme.

21 Возможно, она представляет собой своего рода конспект или «рерайт» перевода А.-Ш. Барбье де Мейнара — на такую мысль наводит значительная лексическая близость этих текстов.

22 Эль-Куфа — город на реке Евфрат, в 170 км от Багдада. Основан как военный лагерь в 637 г.

Седьмая часть «Персидской мудрости» представляет собой парафраз отрывка из второй главы «Бустана»[23]. Этот отрывок приведен и в книге И.Н. Холмогорова, и в «Литературной Персии» Ж. Фрийе (разумеется, есть он и в классических переводах поэмы Саади). Каким из изданий воспользовался в данном случае Бунин, неизвестно. С уверенностью можно сказать только то, что в своей миниатюре писатель оставил от исходного текста примерно половину и при этом пренебрег его главной мыслью.

Полный текст отрывка в переводе А.-Ш. Барбье де Мейнара выглядит следующим образом:

> Quand tu vois un orphelin baisser tristement la tête, ne mets pas un baiser sur le front de ton enfant. Si l'orphelin pleure, qui songe à essuyer ses larmes. S'il cède à un transport de colère, qui prend soin de le calmer? Ne laisse pas couler ses larmes, ce sont des larmes qui font trembler le trône de Dieu [37, p. 100][24].

В книге Ж. Фрийе сентенция о сироте заметно короче (отсутствует риторический вопрос о гневе):

> Si tu vois un orphelin baisser tristement la tête, ne te mets pas à embrasser ton enfant, car personne ne peut essuyer les larmes de l'orphelin, et ce sont celles-là qui font trembler le trône de Dieu [33, p. 163][25].

Перевод И.Н. Холмогорова, хронологически более ранний, чем оба французских перевода, по композиции ближе к версии Ж. Фрийе:

> Когда увидишь сироту, склонившего головку, не давай поцелуя собственному детищу; пусть не плачет чужое дитя: престол Всевышнего вздрогнет, когда зарыдает сиротка» [29, с. 101].

23 В републикации «Персидской мудрости» в 84-м томе «Литературного наследства» эта миниатюра по неизвестной причине отсутствует.

24 *Перевод*: Когда видишь сироту в печали, с поникшей головой, не целуй в лобик свое дитя. Если сирота заплачет, кто станет осушать ее слезы? Если она разгневается, кто возьмется ее успокоить? Не давай течь ее слезам, ибо от этих слез содрогается Божий престол (*франц.*).

25 *Перевод*: Если видишь сироту в печали, с поникшей головой, не целуй свое дитя, потому что никто не способен осушить слезы сироты, а ведь именно от них содрогается Божий престол (*франц.*).

Бунин в своей версии сентенции Саади почему-то отказался от слов о метафизическом значении слез сироты[26] и заменил поцелуй, которым, по мнению автора «Бустана», не следует одаривать собственное дитя в присутствии чужого, осиротевшего ребенка, более «нейтральной» лаской:

Когда сирота опускает головку в слезах,
Не гладь, не ласкай по головке родного ребенка [11].

В **восьмой части** «Персидской мудрости» мы снова наблюдаем признаки творческого переосмысления первоисточника, каковым в данном случае является максима из восьмой главы «Гюлистана» в переводе И.Н. Холмогорова:

Бесталанные не могут видеть талантливых, как базарные собаки, которые, завидя охотничью, поднимают лай, но не смеют напасть на нее спереди.

Негодяй, будучи не в состоянии сравняться с кем-нибудь талантами, нападает на его недостатки.

Бесталанный завистник всегда хулит заочно того, в чьем присутствии язык его становится нем [22, с. 313].

В бунинском парафразе мысль Саади сжата, «скручена» до предела, заключена в четыре весьма «тесные» в словесном отношении строки, обобщенный образ бездарного негодяя-завистника заменен более конкретным и «современным» образом критика, а заключительная фраза — яркой метафорой:

Твой критик сидит и тебя стережет за углом.
Лишенный достоинств, он жаждет чужих недостатков.
Базарным собакам несносны борзые. Голыш
Алмазы дробит с наслажденьем [11].

Девятая часть «Персидской мудрости» представляет собой своего рода источниковедческую загадку. Вот ее текст:

26 Тем самым Бунин, на наш взгляд, лишил парафраз о сироте той целостности и смысловой завершенности, которые присущи аутентичному высказыванию Саади.

Схвативши огромный сааз и нахально ударив по нем,
Бездарный уверил толпу, что он — музыкант — и огромный! [11]

Авторы комментария к републикации «Персидской мудрости» в 84-м томе «Литературного наследства» утверждают, что у этой миниатюры имеется эквивалент в восьмой главе «Гюлистана». Однако мы в книге Саади такого эквивалента не обнаружили. Вполне вероятно, что это двустишие сочинено самим Буниным — как стилизация «под Саади». Упоминание в тексте миниатюры саза (сааза) — музыкального струнного инструмента, распространенного в Закавказье и на Ближнем Востоке, — может свидетельствовать и об аллюзии к «турецкой сказке» М.Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб» (1837) (правда, ее заглавный герой, игравший на сазе, был как раз весьма одаренным музыкантом и певцом).

Миниатюра о бездарном музыканте вообще изначально могла быть написана как самостоятельный текст, на что косвенно указывает отличие ее метрики от метрики прочих частей «Персидской мудрости»[27].

Не исключено также, что в этом двустишии Бунин иносказательно выразил свое отношение к представителям русской богемы рубежа XIX–XX вв. Напомним, что вскоре после опубликования «Персидской мудрости» писатель выступил на 50-летнем юбилее газеты «Русские ведомости» с речью, в которой впервые открыто и твердо заявил о своем неприятии целого ряда явлений в культуре Серебряного века, видевшихся ему антихудожественными и в целом нездоровыми (см.: [17, с. 314–319]).

Десятая часть «Персидской мудрости»:

Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь
Стволом кипариса, прямым и простым — благородным [11], —

представляет собой парафраз максимы из восьмой главы «Гюлистана».

Поскольку Бунин уже с 1913 г. начал печатать эту миниатюру отдельно от прочих «персидских» миниатюр — как самостоятельное и едва ли

27 К слову, шестистопный амфибрахий, которым написана девятая часть «Персидской мудрости», не совсем «чист»: в самом центре второго стиха (на словах «что он») наблюдается «перебивка» ритма: в четвертой стопе всего два слога — ударный и безударный (т. е., по сути, она является хореической). Схематически это выглядит так: ᴗ-ᴗ|ᴗ-ᴗ|ᴗ-ᴗ|-ᴗ|ᴗ-ᴗ|ᴗ-ᴗ.

не оригинальное[28] произведение, под заглавием «Завет Саади», — мы сочли целесообразным последовать примеру писателя и посвятить ей особый раздел (см. далее).

***

Таким образом, в процессе работы над стихотворением «Персидская мудрость» Бунин пользовался, по меньшей мере, двумя книгами — «Гюлистаном» в переводе И.Н. Холмогорова и «Литературной Персией» Ж. Фрийе. Часть текстов, становившихся для писателя «литературным сырьем», в книгах дублировалась; сюжеты для своих парафразов он брал то в одной из них, то в другой.

Ничего необычного в подобном стиле творческой работы как будто нет. Тем не менее обратим внимание и на следующие факты: как отмечалось выше, согласно авторской дате под опубликованным текстом «Персидской мудрости», Бунин сочинил ее в июне 1913 г., в ходе очередного путешествия на Ближний Восток — в Трапезунде и Стамбуле; однако в редакцию «Русского слова» писатель отправил стихотворение только в двадцатых числах сентября того же года, с дачи из-под Одессы (см.: [4, с. 477]). Почему бы не предположить, что на самом деле Бунин писал свои «персидские» миниатюры не только в поездке, но и по возвращении в Россию? По крайней мере, это хоть отчасти объяснило бы «попеременное» использование монографии И.Н. Холмогорова и «Литературной Персии» — впрочем, разумеется, писатель мог взять с собой в турне обе книги.

Вместе с тем нельзя исключать вероятности того, что авторская дата под «Персидской мудростью» — не более чем литературная мистификация, и стихотворение было написано либо целиком на Большом Фонтане под Одессой, где Бунин после своего путешествия жил с середины июня по конец сентября 1913 г. (см.: [4, с. 457–479]), либо частями — в разных местах и в разное время.

Так или иначе, проверить данную гипотезу невозможно, поскольку автограф «Персидской мудрости» неизвестен.

28 В этом смысле очень показателен тот факт, что в 1914 г. К.И. Чуковский воспринял бунинский «Завет Саади» как творческий «трудный завет» самого писателя (см.: [30, с. 948]).

«Будь стволом кипариса...»

После публикации в «Русском слове» Бунин включал двустишие о пальме и кипарисе — под заглавием «Завет Саади» — в сборники «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (М., 1913) и «Чаша жизни» (Париж, 1922) и в шестой том Полного собрания сочинений (Пг., 1915) (см.: [10, с. 252; 17, с. 165; 19, с. 268]). В сборниках стихотворение было не датировано, в Полном собрании сочинений — напечатано с авторской датой: «Трапезонд. VI. 1913». Кроме того, как указывает Т.М. Двинятина, сохранился автограф «Завета Саади» в виде недатированной записи (экспромта или его имитации) в альбоме жены литератора И.А. Белоусова — И.П. Белоусовой (см.: [18, с. 405]).

«Завет Саади» является наиболее веским доказательством того, что для Бунина главным источником реминисценций из «Гюлистана» было русское издание книги Саади в переводе И.Н. Холмогорова. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить текст бунинского стихотворения с соответствующим местом в нескольких переводах «Гюлистана» на русский и три основных европейских языка (думается, для достижения указанной цели выборка из десяти вариантов перевода будет достаточно репрезентативной):

У С.И. Назарьянца (1857): «Если можешь, будь благотворителен, как пальма, но, если это превышает твои силы, будь свободен, как кипарис!» [25, с. 173].

У К. Ламброса (1862): «Если ты имеешь средства, то будь щедр, как пальма; а если у тебя их нет, то будь независим, как кипарис» [21, с. 274].

У И.Н. Холмогорова (1882): «Будь щедр, как пальма, если можешь; если же не в состоянии благодетельствовать, то, по крайней мере, будь благороден, как кипарис» [22, с. 334].

У А. Олеария (1654, 1775): “Steht es in deinem Vermögen, so sey wie eine Palme oder wie ein Dattelbaum und erzeige dich freygebig. Ist es aber nicht in deinem Vermögen, so stehe wenigstens zu, daß du gleich einer Cypresse frey und ruhig selbst” [42, S. 331][29].

29 *Перевод*: Ежели это в твоих силах, то будь подобен пальме или финиковому дереву и проявляй щедрость. Но ежели ты не способен на это, то будь хотя бы столь же свободен и невозмутим, как сам кипарис (*нем.*). В цитате воспроизведены особенности орфографии оригинала (в частности, ненормативное для современного немецкого правописания употребление буквы “y” вместо “i” в словах “sei” (будь), “freigebig” (щедрый), “frei” (свободный)).

У К.-Г. Графа (1846): “Wenn du es kannst, so sei großmüthig wie die Palme, // Kannst du es nicht, so sei wie die Cypresse frei” [39, S. 224][30].

У Ш. Дефремери (1858): “Si tu en as le pouvoir, sois généreux comme le palmier; mais, si tu ne le peux pas, sois libre comme le cyprès” [36, p. 348][31].

У Э. Иствика (1852): “Be, if thou be so, // Like the date, generous. Canst thou nought bestow // From lack of means; at least resolve to be, // Like the green cypress, fetterless and free” [44, p. 307][32].

У Ф. Глэдвина (1865): “If you are able, imitate the date-tree in liberality; but if you have not the means of munificence, be free like the cypress” [34, p. 377][33].

У Дж. Платтса (1876): “If thy hand can accomplish it, be generous as the date; // And if thy hand cannot do so, be free like the cypress” [43, p. 353][34].

У Дж. Росса (1890): “If thy hand has plenty, be liberal as the date-tree; but if it affords nothing to give away, be an azad, or free man, like the cypress” [41, p. 309][35].

Трудно не заметить, что большинство переводчиков (восемь из десяти) для обозначения свойства кипариса использовали прилагательное «свободный», К. Ламброс соответствующий эпитет в первоисточнике перевел как «независимый», и только И.Н. Холмогоров прибегнул к прилагательному «благородный»[36]. Скорее всего, эта разница в переводах одного и того же слова обусловлена многозначностью персидского прилагательного آزاد (*āzād*), которое переводится как «свободный (а у мистиков — освободившийся от мирских привязанностей и стремлений), вольный, осво-

30 *Перевод*: Если можешь, будь великодушен/щедр, как пальма, если же не можешь, будь свободен, как кипарис (*нем.*).

31 *Перевод*: Если у тебя есть возможность, будь щедрым, как пальма; но если ты этого не можешь, будь свободным, как кипарис (*франц.*).

32 *Перевод*: Если ты таков <богат>, будь, как финиковая пальма, щедрым. Но ты беден и не можешь ничего дарить; по крайней мере, решись быть, подобно зеленому кипарису, раскрепощенным и свободным (*англ.*).

33 *Перевод*: Если способен, подражай в щедрости финиковому дереву; но если средств для благотворительности нет, будь свободен, как кипарис (*англ.*).

34 *Перевод*: Если твоя рука достаточно тверда, будь щедр, как финиковая пальма; но если это не так, будь свободен, как кипарис (*англ.*).

35 *Перевод*: Если твоя рука не пуста, будь щедр, как финиковое дерево; но если тебе нечего отдавать, будь азадом, или свободным человеком, как кипарис (*англ.*).

36 К слову, точно так же, вслед за И.Н. Холмогоровым, поступил советский переводчик А.В. Старостин: «Если ты можешь, будь щедрым, — как пальма, усыпан плодами; // Если не можешь, возьми в образец кипарис благородный» [27, с. 297].

божденный, избавленный, благородный, превосходный, щедрый, чистосердечный» [20, с. 22][37].

Так или иначе, присутствие слова «благородный» в «Завете Саади» и вообще значительное лексико-синтаксическое сходство бунинского двустишия с текстом перевода И.Н. Холмогорова не может быть простым совпадением: очевидно, что «Завет Саади» является парафразом максимы о пальме и кипарисе именно в холмогоровском переводе[38].

«Руны Времени»

Как отмечалось во вступлении, некоторые исследователи полагают, что в стихотворениях Бунина «Трон Соломона» и «Закон» тоже можно «выделить “след” Саади». Попробуем разобраться, так ли это.

Начнем с «Трона Соломона». Стихотворение было написано в начале марта 1907 г. (см.: [3, с. 645]), печаталось в «Сборнике товарищества “Знание” за 1908 год» (СПб., 1908), в четвертом томе Собрания сочинений (СПб., 1908) и в третьем томе Полного собрания сочинений Бунина (Пг., 1915) (см.: [12, с. 121–122; 13, с. 18–19; 16, с. 72]).

«Трон Соломона» представляет собой парафраз Корана (34: 11–13), причем в двойном переводе — с арабского на французский (А. де Биберштейна-Казимирского) и с французского на русский (К. Николаева) (см.: [23, с. 314])[39]. Вместе с тем, по мнению Р.М. Сафиулиной, в своем стихотворении Бунин использовал также текст «Бустана» Саади. «Образом “руны Времени” из “Бустана” Саади Бунин дополняет текст “Корана” Биберштейн-Казимирского» [8, с. 168], — в частности, утверждает исследовательница, имея в виду начальные строки «Трона Соломона»:

37 Как мы видели, в переводе Дж. Росса слово *azad* приведено и в одном из своих прямых значений — на английском языке, и в виде существительного-варваризма.

38 Т.М. Двинятина в комментарии к двухтомнику Бунина «Стихотворения» называет этот перевод в числе других русских переводов, которые могли быть известны писателю (см.: [18, с. 405]). Тем не менее и в комментарии, и в одной из статей [2, с. 691] исследовательница почему-то отдает предпочтение переводу С.И. Назарьянца, несмотря на его довольно значительные лексические разночтения с бунинской миниатюрой.

39 Эта книга под заглавием «Коран Магомета» выходила в 1864, 1865, 1876, 1880, 1901 гг. (см.: [8, с. 163]). С каким из этих изданий работал Бунин, неизвестно. Мы в данной статье ссылаемся на издание 1865 г.

На письмена исчезнувших народов
Похожи руны Времени — значки
Вдоль старых стен и полутемных сводов,
Где завелись точильщики-жучки [18, с. 39].

В своей статье Р.М. Сафиулина высказывает еще ряд суждений об интертекстуальных связях между стихотворением Бунина и поэмой Саади, однако цитаты из «Бустана» (в переводе В.В. Державина), которые исследовательница при этом приводит, не могут служить аргументами, поскольку «Бустан» в совместном переводе В.В. Державина и А.В. Старостина впервые был издан лишь в 1962 г. [26]. Если Бунину и были известны фрагменты «Бустана», на которые ссылается Р.М. Сафиулина, то только по какому-то (или каким-то) из иностранных переводов, названных нами ранее (в монографии И.Н. Холмогорова этих фрагментов нет). Между тем, например, А.-Ш. Барбье де Мейнар перевел сентенцию, будто бы содержащую образ «рун Времени», следующим образом:

> Veux-tu assurer l'immortalité à ton nom, ne laisse pas le mérite dans l'ombre. Le tableau de ton règne sera celui des rois tes prédécesseurs: ils ont joui eux aussi des faveurs de la fortune, des plaisirs de la vie, puis un jour la mort est venue leur ravir tous ces biens; les uns ont emporté une bonne renommée, les autres ont laissé le souvenir ineffaçable de leurs crimes [37, p. 22][40].

Как мы видим, в процитированном отрывке образ «рун Времени» отсутствует (его нет и в других переводах «Бустана», изданных к началу XX в.) — значит, говорить о «“следе” Саади» в «Троне Соломона» не приходится.

«Не будь ослом, который носит книги...»

«Закон» был написан Буниным в мае 1907 г., во время путешествия в Святую землю [3, с. 666]; публиковался в том же году в № 11 петербург-

40 *Перевод*: Если хочешь обеспечить бессмертие своему имени, не оставляй <свои> заслуги в тени. Картина твоего правления будет такой же, как у твоих предшественников-шахов: они тоже наслаждались благосклонностью судьбы, удовольствиями жизни, но однажды пришла смерть и отняла у них все эти блага; одни добились славы, другие оставили неизгладимую память о своих преступлениях (*франц.*).

ского общественно-политического и литературного журнала «Современный мир», затем в четвертом томе Собрания сочинений и в третьем томе Полного собрания сочинений (см.: [9, с. 53; 13, с. 60; 16, с. 87–88]).

Это стихотворение также представляет собой парафраз «Корана Магомета» — конкретно пятого аята 62-й суры: «Которым поручили Пятикнижие и которые не носят (не соблюдают его), те подобятся ослу, несущему книги» [23, с. 414].

Ср.:

Приняв закон, прими его вериги.
Иль оттолкни — иль всей душою чти:
Не будь ослом, который носит книги,
Лишь потому, что их велят нести [18, с. 34].

Между тем Т.М. Двинятина усматривает в процитированных строках еще и «отсылку к “Гулистану” (часть 8, глава 8)» [18, с. 366], что нам представляется весьма спорным. Безусловно, между текстами бунинского «Закона» и сентенции Саади, которую имеет в виду Т.М. Двинятина, определенное сходство есть — но только потому, что и эта сентенция является парафразом того же пятого аята 62-й суры Корана. В переводе И.Н. Холмогорова интересующая нас сентенция из восьмой главы «Гюлистана» имеет следующий вид:

> Сколько бы ты ни изучал науки, но, когда ты не применяешь их к делу, ты все-таки остаешься невежда. Четвероногое, на котором навьючено несколько книг, не может чрез то назваться ни изыскателем истины, ни ученым; знает ли и ведает ли безмозглое, что лежит на нем: книги или дрова? [29, с. 83][41].

Если сопоставить все три текста, то мы увидим, что по содержанию бунинский «Закон» ближе все-таки к тексту «Корана Магомета», а не «Гюлистана»: под «законом», о котором идет речь в стихотворении, подразумевается именно Пятикнижие, а не просто «несколько книг».

41 Мы приводим здесь перевод этой сентенции по тексту монографии И.Н. Холмогорова, а не по изданию «Гюлистана» 1882 г. в связи с тем, что в 1907 г. в распоряжении Бунина была именно эта монография.

Заключение

Мы установили, что при написании стихотворений «Череп», «Персидская мудрость», «Завет Саади» Бунин использовал монографию И.Н. Холмогорова, его же перевод «Гюлистана» и книгу Ж. Фрийе «Литературная Персия». Вопрос о знакомстве Бунина с другими русскими и иностранными переводами главных произведений Саади («Бустана» и «Гюлистана») остается открытым.

Бунинские стихотворения, в которых действительно можно «выделить “след” Саади» (как мы выяснили, «Трон Соломона» и «Закон» к их числу не относятся), представляют собой не переводы, а парафразы притч, сентенций и максим Саади из перечисленных нами изданий. Приемы художественной трансформации, к которым писатель прибегал в процессе работы над этими стихотворениями, чаще всего заключались в сокращении того или иного исходного текста, заимствованного у Саади, реже — в замене персонажей, повествовательной точки зрения, выразительных средств.

Изложенные в статье факты и соображения позволяют сделать вывод, что «Череп», «Персидскую мудрость» и «Завет Саади» в будущем Полном собрании сочинений и писем Бунина целесообразно поместить среди оригинальных стихотворений, а не в томе с переводами. При этом «Персидская мудрость» и «Завет Саади», по-видимому, должны печататься как равноправные произведения — невзирая на то, что тексты «Завета Саади» и десятой части «Персидской мудрости» идентичны. При этом «генетическая» связь между стихотворениями должна быть отражена в научном комментарии.

Список литературы

Исследования

1 *Бакунцев А.В.* Реминисценции из произведений Саади в публицистике и эпистолярии И.А. Бунина: источниковедческий аспект проблемы // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 168–193. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-168-193

2 *Двинятина Т.М.* Общий очерк текстологии поэзии И.А. Бунина // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология): сб. ст. / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 557–703.

3 Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1: 1870–1909. 944 с.
4 Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2: 1910–1919. 1184 с.
5 Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. 696 с.
6 Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 110: И.А. Бунин: Новые материалы и исследования. Кн. 2. 992 с.
7 *Рейснер М.Л., Ардашникова А.Н.* Персидская литература IX–XVIII веков: в 2 т. / отв. ред. Е.О. Акимушкина. М.: Сандра, 2021. Т. 2: Персидская литература в XIII–XVIII вв. Зрелая и поздняя классика. 384 с.
8 *Сафиулина Р.М.* Раннее творчество И.А. Бунина и Коран Альбера де Биберштейн-Казимирского // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология): сб. ст. / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 163–171.

Источники

9 *Бунин Ив.* Из цикла «Восток»: 1) Мекам; 2) Гермон; Из цикла «Восток»: 1. Закон; 2. Мандрагора // Современный мир. СПб., 1907. № 11. С. 18–19, 53.
10 *Бунин Ив.* Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 г. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1913. 264 с.
11 *Бунин Ив.* Персидская мудрость // Русское слово. М., 1913. 29 сентября. № 224. С. 4.
12 *Бунин Ив.* Рассказы в стихах: С обезьяной; Трон Соломона // Сборник товарищества «Знание» за 1908 год. СПб.: Т-во «Знание», 1908. Кн. 20. С. 119–122.
13 *Бунин Ив.* Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Т-во «Знание», 1908. Т. 4. 250 с.
14 *Бунин Ив.* Тень Птицы // Земля. М.: Московское книгоизд-во, 1908. Сб. 1. С. 229–272.
15 *Бунин Ив.* Череп: Из «Бустана» Саади // Женское дело. М., 1912. № 19. 1 октября. С. 6.
16 *Бунин И.А.* Полн. собр. соч.: в 6 т. Пг.: Т-во А.Ф. Маркс, 1915. Т. 3. 248 с.
17 *Бунин И.А.* Полн. собр. соч.: в 6 т. Пг.: Т-во А.Ф. Маркс, 1915. Т. 6. 336 с.
18 *Бунин И.А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014. Т. 2. 544 с.
19 *Бунин И.А.* Чаша жизни. Париж: Русская земля, 1921. 284 с.
20 *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь: в 2 т. / под ред. Ф.Е. Корша. М.: Наука, 1976. Т. 1. 433 с.
21 Гюлистан, сочинение Саади / пер. с перс. К. Ламброса. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1862. VIII, 276, 11 с.
22 Гюлистан: «Цветник роз»: Творение шейха Саади Ширази / пер. с перс. И. Холмогорова. М.: К.Т. Солдатенков, 1882. 353 с.

23 Коран Магомета, переведенный с арабского на французский переводчиком французского посольства в Персии Казимирским / с примеч. и жизнеописанием Магомета; пер. с франц. К. Николаева. 2-е изд. М.: К. Шамов, 1865. XXXIV, 468, XVI, 24 с.
24 *Крымский А.* История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. М.: Тип. Х. Улицкого, 1914–1917. Т. 3. 504 с.
25 Розовый кустарник шейха Муслехеддина Саади Ширазского, славный под названием Гулистана / пер. с перс. С. Назарианца. М.: Тип. Лазаревского ин-та вост. яз., 1857. XX, 174 с.
26 *Саади.* Бустан. Лирика / пер. с перс. В. Державина, А. Старостина. М.: ГИХЛ, 1962. 528 с.
27 *Саади.* Гулистан: Розовый сад / пер. с перс. Р. Алиева; пер. стихов А. Старостина; под ред. А. Бертельса и С. Шервинского; подгот. текста, вступ. ст., примеч. Р. Алиева. М.: ГИХЛ, 1957. 324 с.
28 Французско-русский словарь: 37000 слов / сост. В.Г. Гак, Ж. Триомф, Г.Г. Соколова и др.; под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. М.: Русский язык, 1991. 1056 с.
29 *Холмогоров И.* Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы. Казань: Унив. тип., 1867. 147, 4 с.
30 *Чуковский К.* Смерть, красота и любовь в творчестве И.А. Бунина // Нива. Пг., 1914. № 49. С. 947–950.
31 *Шейх Муслих-эд-дин Са'ди.* Бустан / вступ. ст., пер. и примеч. К. Чайкина. М.: Academia, 1935. XXII, 218, 12 с.
32 *Davie G.S.* The garden of fragrance / being a complete translation of the Bostan of Sadi from the original Persian into English verse. London: K. Paul, Trench and Co, 1882. XIX, 301 p.
33 *Frilley G.* La Perse littéraire / préface de Mirza Abbas Khan Aalamol-Molk; avec une essai sur les études persanes en France par C. Simond. Paris: Louis-Michaud, [1909]. 223 p.
34 Gulistan or Rose Garden by Musle-Huddeen sheik Saadi, of Shiraz / trans. from the original by Francis Gladwin, with an essay on Saadi's life and genius by James Ross, and a preface by R.W. Emerson. Boston: Ticknor and Fields, 1865. XVIII, 379 p.
35 Gulistan ou le Parterre-de-fleurs du cheikh Moslih-Eddin Sadi de Chiraz / traduit littéralement sur l'édition autographique du texte publiée en 1828, avec les notes historiques et grammaticales par N. Sémelet. Paris: L'Imprimerie Royale, 1834. 410 p.
36 Gulistan ou le Parterre de roses par Sadi / traduit du persan sur les meilleures textes imprimés et manucrits et accompagné de notes historiques, géographiques et littéraires par Ch. Defrémery. Paris: Librairie de Firmin Didot Frères, Fils et Co., 1858. XLVII, 359 p.
37 Le Boustan ou Verger, poème persan de Saadi / trad. pour la première fois en français avec une introduction et des notes par A.C. Barbier de Meynard. Paris: Ernest Leroux, 1880. XXXV, 387 p.

38 Moslicheddin Sadi's Lustgarten (Bostan) / aus dem Persischen übersetzt von K.H. Graf. Jena: Hochhausen, 1850. XIV, 236 S.
39 Moslicheddin Sadi's Rosengarten / nach dem Texte und dem arabischen Commentare Sururi's aus dem Persischen übersetzt mit Anmerkungen und Zugaben von Karl Heinrich Graf. Leipzig: J.A. Brockhaus, 1846. 302 S.
40 Saadi's Bostan / aus dem Persischen übersetzt von F. Rückert. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1882. VIII, 285 S.
41 *Sadi.* Gulistan or Flower Garden / trans., with an essay, by James Ross and a note upon the translator by Charles Sayle. London: Walter Scott, 1890. VIII, 311 p.
42 *Schich Sadi.* Persisches Rosenthal nebst Locmans Fabeln / [übesetzt von A. Olearius]. Neue, verbesserte Auflage. Wittenberg und Zerbst: J.G. Schummel, 1775. 358, 34 S.
43 The Gulistan or Rose Garden of shaikh Muslihu'D-Din Sa'di of Shiraz / translated from a revised text, with copious notes, and a life of the poet by John T. Platts. London: Wm. II Allen and Co., 1876. XIX, 356 p.
44 The Gulistan or Rose-Garden, of sheikh Muslihu'D-Din Sadi of Shiraz / translated for the first time into prose and verse, with an introductory preface, and a life of the author, from the Atish Kadah by Edward B. Eastwick. Hertford: Stephen Austin, 1852. XXXII, 311 p.

References

1 Bakuntsev, A.V. "Reministsentsii iz proizvedenii Saadi v publitsistike i epistoliarii I.A. Bunina: istochnikovedcheskii aspekt problemy" ["The Reminiscences from Saadi's Works in the Publicism and Epistolary of Ivan Bunin: The Source Studies Aspect of the Problem"]. *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 168–193. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-168-193 (In Russ.)
2 Dviniatina, T.M. "Obshchii ocherk tekstologii poezii I.A. Bunina" ["General Review of the Textology of Ivan Bunin's Poetry"]. Korostelev, O.A., and S.N. Morozov, editors. *Tvorchestvo I.A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiia, istochnikovedenie, tekstologiia): sbornik statei* [*Creative Work of I.A. Bunin in the Historical and Literary Context (Biography, Source Studies, Textual Criticism): Collection of Articles*]. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 557–703. (In Russ.)
3 *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [*Chronicle of I.A. Bunin's Life and Work*], vol. 1: 1870–1909 [1870–1909], comp. by S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)
4 *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [*Chronicle of I.A. Bunin's Life and Work*], vol. 2: 1910–1919 [1910–1919], comp. by S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 1184 p. (In Russ.)
5 *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 84: Ivan Bunin [Ivan Bunin], book 1. Moscow, Nauka Publ., 1973. 696 p. (In Russ.)

6 *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 110: I.A. Bunin: Novye materialy i issledovaniia [I.A. Bunin: New Materials and Research], book 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 992 p. (In Russ.)

7 Reisner, M.L., and A.N. Ardashnikova. *Persidskaia literatura IX–XVIII vekov: v 2 t.* [*Persian Literature of the 9th–18th Centuries: in 2 vols.*], ed. by E.O. Akimushkina, vol. 2: Persidskaia literatura v XIII–XVIII vekakh. Zrelaia i pozdniaia klassika [Persian Literature in the 13th–18th Centuries. Mature and Late Classics]. Moscow, Sandra Publ., 2021. 384 p. (In Russ.)

8 Safiulina, R.M. "Rannee tvorchestvo I.A. Bunina i Koran Al'bera de Bibershtein-Kazimirskogo" ["Early Work of I.A. Bunin and the Koran of Albert de Biberstein-Kazimirsky"]. Korostelev, O.A., and S.N. Morozov, editors. *Tvorchestvo I.A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiia, istochnikovedenie, tekstologiia): sbornik statei* [*Creative Work of I.A. Bunin in the Historical and Literary Context (Biography, Source Studies, Textual Criticism): Collection of Articles*]. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 163–171. (In Russ.)